

ФИЛОСОФИЯ ПАТРИОТИЗМА: ИВАН ИЛЬИН

Майя Соболева

Марбургский университет, Германия

В статье рассматривается понятие «Родина», разработанное И.А. Ильиным в работах «Родина и мы», «О Родине – три речи» и «Путь духовного обновления», прослеживается эволюция этого понятия и раскрываются его различные аспекты, выделенные Ильиным на протяжении его творчества. Показывается, что в философии Ильина понятие «Родина» имеет систематическое значение. Если в работах, посвященных организации «белого движения», понятие «Родина» использовалось преимущественно в практических целях, то в ключевой работе «Путь духовного обновления» оно приобрело теоретический характер как один из важнейших элементов социально-политической теории. В статье анализируется также ильинское понимание национализма, раскрывается его специфика и показываются различия между «духовным национализмом», основанном на разумной любви к культуре своей страны, и национализмом «инстинктивным», вытекающим из стремления к самосохранению. Выявляется связь между понятиями «индивидуум», «семья», «государство» и «человечество» в контексте размышлений о Родине как источнике духовности и гражданственности, а также между понятием «национализм» (обозначающим идентификацию с определенной культурой) и понятием «патриотизм» (выражающим деятельную любовь к этой культуре). Показывается, что Родина у Ильина – это прежде всего персональный нарратив, вырастающий из поиска человеком своей идентичности. Устанавливаются условия возможности политического и культурного самоопределения человека благодаря понятию «Родина» (к которым, по Ильину, относятся частная собственность, правосознание, правовое государство, образование, умение самостоятельно мыслить, духовная и политическая свобода).

Ключевые слова: родина, национализм, патриотизм, государство, правосознание, право частной собственности.

The article analyses the concept of homeland developed by the Russian thinker Ivan A. Ilyin in his works “Homeland and We”, “On Homeland – Three Speeches”, and “The Way of Spiritual Renewal”. The author traces the evolution of this concept and reveals its various aspects, highlighted by Ilyin throughout his work. Ilyin is described as a philosopher in whose work the concept of homeland plays a systematic role. While his first works devoted to this subject reflect his political activity as an organizer of the “white movement” and demonstrate that the concept of homeland was used mainly for practical purposes of its consolidation, in his key work “The Way of Spiritual Renewal” this concept, on the contrary, acquires a theoretical character and serves as one of the most important elements of his political theory. The author suggests that this work can be compared in its structure and purposes with Hegel’s philosophy of law, of which Ilyin was an expert. The analysis focuses on the concept of “nationalism” and reveals its specifics by opposing the differences between the “spiritual nationalism,” based on a reflective love of one’s country’s culture, and the “instinctive nationalism”, based on the drive to self-preservation. The author clarifies relationship between the concepts of individual, family, state, and “humanity by means of the concept of homeland which is regarded as the source of spirituality and citizenship. It is concluded that Ilyin’s understanding of homeland is, first of all, a personal narrative derived from a person’s search for his personal identity. It is shown that, according to Ilyin, the conditions for the possibility of man’s political and cultural self-determination on the basis of the term “homeland” include private property, legal self-consciousness, the rule of law, education, the ability to think independently, spiritual and political freedom.

Keywords: homeland, nationalism, patriotism, state, legal consciousness, private property rights.

Несмотря на то, что *слово* «родина» пронизывает нашу повседневную жизнь, постоянно встречаясь на страницах газет, на экране телевизоров и в массовой культуре – например, песня о том, «с чего начинается родина...» сопровождала несколько поколений наших сограждан –, не будет преувеличением сказать, что *понятие* родины редко становится темой философской рефлексии. Возникает ощущение, что оно не нуждается в объяснениях и является само собой разумеющимся – любой понимает его значение. Если же вдруг с ним возникают проблемы, то решение их или отдано на откуп педагогике с ее задачей патриотического воспитания, или же оно становится предметом политики в контексте проблем, связанных с национальной идентичностью, национализмом, миграциями и проч., и поэтому оно попадает в спектр внимания социологии и политологии. Исключение составляет работа Ирины Сандомирской «Книга о Родине. Анализ дискурсивных практик», но книга эта вышла сравнительно давно, в 2001 г., и она носит скорее филологический, чем философский характер. Тем не менее можно указать на философскую традицию, где тема родины находится в центре внимания. Это, прежде всего, дискуссии о судьбах России, кульминацией которых были дебаты между так называемыми славянофилами и западниками в 19 в., которые продолжились в начале 20 в. евразийцы и философы русского зарубежья. Примечательно, однако, что сам концепт «родина», как правило, не проблематизировался: родина однозначно понималась как определенное место на географической карте, наполненное специфическим духовным содержанием, а проблемой становилось именно это содержание. Можно назвать, пожалуй, только двух философов, которые занимались анализом собственно понятия «родина» и вскрыли его многозначность и многомерность – это Георгий Федотов (1886–1951)¹ и Иван Ильин (1883–1954)². Темой настоящей работы является реконструкция понятия родины в философии Ильина.

Тема родины, вне сомнения, была одной из центральных в его творчестве и, разумеется, это обусловлено его личной судьбой – вынужденной эмиграцией (как мы знаем, Ильин был одним из пассажиров на одном из печально известных «философских пароходов»), сопровождавшейся ностальгией и мечтой о спасении России от большевизма. Однако было бы неверно связывать размышления Ильина о родине единственно с реваншизмом и ограничивать их только узкой сферой политической активности. В работе «Путь духовного обновления», вышедшей в Белграде в 1937 г., «родина» становится системообразующим понятием,

¹ См., например, его работы в сборнике «Судьба и грехи России» [11].

² Общая характеристика личности и творчества Ильина дана, например, Ю.Т. Лисицей в работе «И.А. Ильин: Историко-биографический очерк» [5]. См. также работу В.А. Томсинова «Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин: русский идеолог эпохи революций» [7]. Многие аспекты творчества Ильина раскрываются в сборнике «И.А. Ильин: Pro et contra: Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей» [8]. Примечательно, что также за рубежом появляются исследования, посвященные теории Ильина [1–3].

связывающим сферы личного и общественного бытия человека и затрагивающим тем самым, по выражению Ильина, «первые, фундаментальные вопросы, вопросы бытия» [10, с. 18]. Но об этом позже.

Прежде всего следует отметить, что можно выделить три этапа в размышлениях Ильина о родине. Первый связан с работой «Родина и мы», вышедшей в Белграде в 1926 г.; второй – с работой «О Родине – три речи», опубликованной в Софии в 1934 г.; третий – с уже названной работой «Путь духовного обновления». Вместе эти работы составляют корпус текстов, на основании которых можно вполне адекватно реконструировать смысл ильинского понятия родины. Поскольку рамки статьи принципиально не позволяют воспроизвести эту реконструкцию в полном объеме в силу масштабности задачи, я остановлюсь лишь на основных, с моей точки зрения, моментах, вскрывающих его особенности.

Понятие родины в работе «Родина и мы»

Несомненно, что в данной работе Ильин выступает как идеолог «белого движения».¹ Однако цель ее, что выявляется при внимательном прочтении, заключается в том, чтобы предложить не политические, а *этические* основания для консолидации этого разношерстного образования, охватывающего монархистов, конституционных демократов, социалистов-революционеров, просто бывших белогвардейцев и проч. Этот текст – своего рода *манифест* и, одновременно, *завет*, исполнение которого позволило бы, по мысли Ильина, обрести утраченную обетованную землю. О том, что этот текст представляет собой *манифест*, свидетельствует хотя бы следующая цитата: «Мы, белые изгнанники не беглецы и не укрывающиеся обыватели. Мы не уклонились от борьбы за Россию, но приняли ее и повели ее всею силою, и любовью, и волею. И ныне заявляем, пусть слышат и друзья, и враги: борьба не кончилась, она продолжается. Она окончится только с освобождением и восстановлением России» [10, с. 3]. То, что этот текст есть *завет* видно из следующего: «Соблудности себя к этому часу [ко времени наступления. – М.С.] есть наше основное патриотическое задание; и тот, кто ныне работает в этом направлении, делает свое главное жизненное дело» [10, с. 8]. В дальнейшем в тексте раскрывается содержание этого завета в десяти пунктах, с очевидностью отсылающих – по форме – к Новому завету. Эти десять пунктов или, я бы сказала, десять *заповедей* основываются на трех столпах – честь, патриотическое служение и вера – и включают в себя личную независимость и достоинство, личную материальную автономию, верность «белой идее» спасения отечества, где белое понимается символически как образ чистоты, а также критическую оценку русской революции и работу, направленную на ее низвержение.

При оценке этого *программного* по своему характеру документа, идеи которого должны были консолидировать «белое» движение за рубежом, важно не упустить из виду его идеалистический характер в том смысле, что он работает с идеальными конструкциями. Россия предстает в нем не просто как фактическая данность – как СССР на политической

¹ Более подробно об этой стороне деятельности Ильина см. [4].

карте мира, а как *утраченный идеал*. Ильин пишет, что родина не «исчерпывается местопребыванием и совместным бытом», что видеть ее надо из «священных корней» [10, с. 2], а поэтому спасти ее могут лишь те, кто обладает «белым духом», что для Ильина значит – «рыцарственным духом бескорыстия свободной жертвенности, добровольного подчинения, дисциплины и бесстрашия» [10, с. 4]. Он поясняет: «Я разумею то состояние души, когда любовь родит сильную и неподкупную волю, воля ведет к поступку, а поступок строит родину; когда чувство долга становится второй природой, а вера в свое призвание ведет к подвигу» [10, с. 5]. Поэтому «белая идея» Ильина означает не «реставрацию», а «возрождение» России [10, с. 13] *при условии* духовного возрождения личности. Только тот, кто обладает духовной родиной, имеет право на борьбу за свою страну.

Что в этой работе понимается под «родиной»? Ильин полагает, что это нечто такое, что «никто и никогда не сможет у вас отнять», она «в нас, она всегда с нами; мы слеплены из ее телесного и духовного материала; и она не может оторваться от нас, так же, как мы не можем оторваться от нее» [10, с. 2]. Почти в виде определения он формулирует, что родина – это скрытое в каждом из нас «некое сокровище, светящийся клад русского национального духовного опыта – религиозного, и нравственного, и художественного, и государственного» [10, с. 2]. Он дает следующие примеры того, на чем могут основываться представления о родине и что может составлять содержание этого понятия: это (подчеркнем) – вовсе не территория, а «светлая заутреня»; «всенощная»; «панихида»; «Сергий»; «Гермоген»; «Кремль»; «Куликово Поле»; «Пожарский»; «Киев»; «Москва»; «Петр»; «Пушкин»; «Гоголь»; «Достоевский»; «наша песня»; «наша армия»; «наши монастыри»; «Оптина Пустынь»; «коронование» [10, с. 2]. Итак, родина – это то, из чего человек «соткан» [10, с. 2], то, что находится внутри него и составляет его духовое содержание, а не нечто внешнее по отношению к нему. Эта тема родины не как территории, *локуса*, а как духовного основания личности, ее *фокуса*, получает развитие в дальнейших работах Ильина. Она проходит сквозной линией через все его практические проекты и теоретические построения.

Понятие родины в работе «О Родине – три речи»

В отличие от предыдущей, организационно-практической, проблема родины в работе «О Родине – три речи» поставлена теоретически. Здесь Ильин спрашивает о том, не является ли понятие родины и связанное с ним понятие патриотизма в современном, глобальном (как бы мы сказали сегодня), мире, сформированном, с одной стороны, универсализмом христианства, а с другой – универсализмом рабочего движения, пережитками. Сущность его ответа заключается в различении инстинктивно-го и духовного патриотизма, которым соответствуют различные представления о родине. Первый из них, бесспорно, представляет собой пережиток, тогда как второй возвышает человека до человека думающего. Для *инстинктивного патриотизма* родина – это материальный предмет – территория со специфическими свойствами – культурой, языком,

бытовым укладом и т.д. Для *духовного патриотизма* родина – это, в первую очередь, идеальный предмет вне пространственно-временных отношений, существующий в мыслях, представлениях и мечтах. Эти концепты родины различаются как по своему происхождению, так и по своим функциям. В первом случае родина связана с инстинктами выживания и безопасности. Ильин пишет: «Беда, опасность и страх научают человека солидаризироваться со своими ближними; из этой солидарности возникают первые проблески правосознания, “верности” и “патриотического настроения”. И, таким образом, “патриотизм” оказывается, по видимому, неизбежным, целесообразным и жизненно полезным...» [8, с. 161]. Соответственно, действия по отношению к такой социально-биологически понятой родине – это, прежде всего, ее укрепление и защита. Такое, основанное на инстинкте самосохранения представление о родине Ильин называет, используя, по всей видимости, термин Канта, «гетерономным», т.е. несвободным и навязанным со стороны внешних инстанций, будь то исторические обстоятельства или социум. Ему он противопоставляет «автономное», т.е. свободно сформированное самим индивидуумом представление о родине. Источник этого автономного понятия родины – не инстинкт выживания, а *любовь*. Здесь снова стоит указать на одну историко-философскую традицию, в рамках которой движется мысль Ильина. Любовь им понимается не как «слепой и непросветленный» аффект, ибо основанный на таком аффекте патриотизм есть не что иное, как «странная и опасная смесь из воинственного шовинизма и тупого национального самомнения или же из слепого пристрастия к бытовым пустякам и лицемерного “великодержавного” пафоса, за которым нередко скрывается личная или классовая корысть» [9, с. 162]. Напротив, любовь им понимается как глубоко духовное чувство, восходящее, как видно из контекста, к мистически-религиозному «*amor intellectualis Dei*» Спинозы, т.е. как *через познание* и движение на пути к личному совершенству *достигаемая любовь к истинному, доброму и прекрасному*. Под понятие любви к богу, понимаемой как любовь к совершенству, предложенному Спинозой, подпадает и любовь к родине у Ильина. Причем такая любовь «есть дело свободы, внутренней свободы человеческого самоопределения» [9, с. 167]. Ильин, таким образом, указывает на наличие двух несовместимых дискурсов о родине: один из них сформирован страхом и вызванной им потребностью быть членом коллектива, другой – стремлением к идеалу и потребностью в самопознании. Можно сделать вывод о том, что в основе инстинктивного патриотизма лежит массовая психология, укорененная в биологии, тогда как основой духовного патриотизма является персонализм с его уважением к отдельной личности, нацеленной на познание.

Что же представляет собой родина как духовный феномен в противовес к ее вульгарно-социологическим, геополитическим и эмпирико-психологическим трактовкам? Ильин пишет: «Ничто, взятое само по себе, в отрыве от духа, — ни территория, ни климат, ни географическая обстановка, ни пространственное рядомительство людей, ни расовое происхождение, ни привычный быт, ни хозяйственный уклад, ни язык, ни формальное подданство — ничто не составляет Родину, не заменяет ее

и не любит патриотической любовью. [...] ибо родина есть *нечто от духа и для духа*» [9, с. 165]. Родина, таким образом, *не* сводится к совокупности материальных предметов с их свойствами, она – как идеальный совершенный предмет – есть нечто, что должно направлять самоопределение человека. Есть также несколько других «не», которые определяют понятие родины у Ильина. Родина – это также *не* простой продукт социализации, основанной на предписаниях или запретах, идущих от других людей, иначе она была бы «гетерономным» понятием, навязанным извне. Ильин убежден в том, что невозможно начать любить родину по приказу и перестать любить ее в силу запрета. Кроме того, родина – это *не* общий, типичный образ, т.к. поскольку «родина есть нечто от духа и для духа», то она у каждого своя: для одного, как уже было сказано выше, представление о родине связано с природой или искусством, для другого с историей, для третьего с религией и т.д. [ср.: 9, с. 169]. Причем Ильин предлагает следующую, на мой взгляд, кардинально важную инверсию: и генетически, и онтологически должна действовать закономерность, согласно которой *не* сначала родина, а потом личность (как это происходит в любых видах почвенничества, включая национализм), а сначала личность – а потом родина: «Ибо обретение родины есть акт духовного (хотя бы смутно-духовного, хотя бы духовно-инстинктивного) самоопределения, предполагающий, что сам человек живет духом и что духовный орган в нем не атрофирован; и этот акт самоопределения укачивает ему его собственные духовные истоки и тем самым развязывает и оплодотворяет его собственное духовное творчество» [9, с. 164]. Суммируя вышесказанное, можно заключить, что родина у Ильина – это *персональный нарратив*, вырастающий из поиска человеком его *личной идентичности*. Родина – это мое персональное *воображаемое* (используя термин Касториадиса), составляющее аспект моего «Я».

Таким образом, родина имеет теперь, в данной работе, для Ильина, во-первых, преимущественное значение не как геополитический, а как культурно-этический термин. Во-вторых, поскольку он рассматривает родину не как продукт коллективного (группового), а как продукт личного воображения, то его размышления о родине выходят также за рамки того, что Вальтер Беньямин в 1934 г. назвал «эстетизацией политики». Это означает, что патриотизм по Ильину имеет ценность не как вид коллективной мифологии, нацеленной на консолидацию масс, и не как форма инсценировки самовыражения социума, а единственно как «творческий акт духовного самоопределения» [9, с. 160] личности, в результате которого происходит сознательное формирование и обретение ей родины. В-третьих, Ильин заметно расширил границы политического языка, введя в него в виде концепта родины аспект духовного измерения личности, являющейся агентом политических действий. Поэтому его усилия в этом направлении можно охарактеризовать в целом как гуманизацию или даже морализацию политики. Согласно ему, фундаментом гражданственности должно быть чувство собственного духовного достоинства у человека и внутренняя свобода, благодаря которой он самостоятельно определяет, что есть для него родина. Осознание себя гражданином, в свою очередь, есть условие участия в политике.

Понятие родины в работе «Путь духовного обновления»

Своей кульминации развитие Ильиным понятия родины достигает в работе «Путь духовного обновления». Несмотря на то, что она большей частью состоит из отдельных – в разное время и по разным поводам написанных очерков – она представляет собой тем не менее систематически организованное целое. При внимательном прочтении этого, для поверхностного взгляда фрагментарного, труда становится ясно, что его систематику может прояснить сравнение этой работы с «Основами философии права» Гегеля, знатоком творчества которого был Ильин. Так, входящие в эту работу очерки «Вера», «Любовь», «Свобода» и «Совесть» соответствуют той сфере, которую Гегель подводит под понятие «морали», а очерки «Семья», «Родина», «Национализм», «Правосознание», «Государство» и «Частная собственность» соответствуют сфере «нравственности», в которую сам Гегель включил «семью», «гражданское общество» и «государство». Также, как и Гегель, Ильин пытается осознать общественную жизнь, несмотря на ее многогранность и противоречивость, как нечто единое. Он стремится показать, как формы совместной жизни людей – семья, общество и государство – в процессе последовательного восхождения от семьи к государству сливаются в одно органическое целое, отражая при этом становление человеческого духа от субъективного к объективному. Очерки «Вера», «Любовь», «Свобода» и «Совесть» можно сравнить со становлением «субъективного духа», т.к. они отражают превращение человеческого индивидуума в нравственную личность. Соотношение между этими частями и их связь схематично можно представить следующим образом: «первичной силой человеческой жизни — совершенно независимо от того, понимают люди это или нет» является *вера* [9, с. 23]. *Вера* – будь то религиозные или другие убеждения – определяет, к каким целям стремится человек и чем он руководствуется в своих поступках. *Духовная любовь* помогает выявить высшие цели в жизни, путь к которым человек должен пройти *свободно* и автономно, а критерием того, что этот путь выбран правильно, является *совесть*, которую Ильин характеризует как «луч нравственной очевидности» [9, с. 118].

Последующие очерки «Семья», «Родина», «Национализм», «Правосознание», «Государство» и «Частная собственность» можно сравнить со ступенями развития «объективного духа», при том, что, в отличие от Гегеля, субстратом и двигателем этого процесса является у Ильина не универсальный субъект, а конкретный человеческий индивидуум. По сравнению с гегелевской феноменологией, в фундаментальном статусе семьи у Ильина ничего не изменилось: семья – это сфера, которая для индивидуума генетически предшествует обществу и государству и лежит в их основе. Для него, как и для Гегеля, семья – среда, в которой формируется мораль и которая представляет собой источник гражданского сознания. В семье человек перестает быть личностью «в себе и для себя», а интегрируется в сообщество. Члены семьи связаны между собой любовью, доверием, послушанием и ответственностью: «Семья есть для ребенка первое “мы”, возникшее из любви и добровольного служения, где один стоит за всех и все за одного. Она есть для него лоно естественной солидарности, где взаимная любовь превращает долг в радость и держит все-

гда открытыми священные врата совести. Она есть для него школа взаимного доверия и совместного, организованного действия. Не ясно ли, что истинный гражданин и сын своей родины воспитывается именно в здоровой семье?» [9, с. 139]. Однако простая преемственность с гегелевской теорией не отражает сути понятия семьи у Ильина. Семья является – и это новое по сравнению с философией Гегеля – для ребенка первым *родным* местом на земле, а это означает, что «семья есть первооснова родины» [9, 156]. Чувство родины, следовательно, находит свое первое, естественное и непосредственное выражение в семье.

По мнению Ильина, первостепенное значение так называемой «малой родины», связанной с семьей, заключается в том, что благодаря принадлежности к ней воспитывается гражданское сознание. Отсюда следует, что первичная функция родины заключается в том, чтобы обеспечить переход человека из семейной ячейки в гражданское общество и государство. Примечательно, что Ильин, в отличие от либералистской, формально-правовой, модели, характеризует гражданственность через способность индивидуума идентифицировать себя с коллективным духом, что и выражается в понятии родины. В таком случае гражданственность формируется вследствие принадлежности к *органическому сообществу*, а не к формально понятому *обществу*, т.е. государству. Сущность «гражданственности», понимаемой таким образом, составляет, согласно Ильину, «национализм», а не правовая норма.

Отметим, что термины Ильина «национализм» и «патриотизм» имеют своеобразную семантику, сильно отличающуюся от расхожей. Быть националистом – значит обладать «патриотическим самосознанием» [9, с. 188], а это значит «установить между собою и своим народом подобие, общение, взаимодействие и общность в духе» [9, с. 188]. Идентификация духовной жизни индивидуума с духовной жизнью его сограждан составляет ядро ильинского национализма, а в любви к духовной культуре своего народа, т.е. в эмоционально-деятельном к ней отношении, заключается патриотизм. Эти два понятия составляют суть термина «гражданин» у Ильина. Помня о том, что истинная родина (в отличие от ее натуралистического и социально-психологического понимания) – это творческая конструкция духовно свободного человека, можно заключить, что и гражданин формируется благодаря свободной идентификации с самостоятельно выбранной и творчески созданной им родиной (которая лишь при определенных условиях, как будет показано дальше, может совпадать с государством).

Ильин объединяет понятия «родина», «нация» и «патриотизм» в следующей формуле: «Родина есть дух народа во всех его проявлениях и созданиях; национальность обозначает основное своеобразие этого духа. Нация есть духовно своеобразный народ; патриотизм есть любовь к нему, к духу, его созданиям и к земным условиям его жизни и цветения» [9, с. 201]. Он многократно повторяет, что любить родину – значит любить «духовность его национального характера и в то же время национальный характер его духа» [9, с. 203]. Он снова и снова подчеркивает, что «истинный национализм» – не тот, что основан на «инстинкте национального самосохранения», а «национализм духовный», любящий «не просто

“родное”, “свое”, – но родное-великое и свое-священное» [9, с. 203]. В отношении отношения к родине должен действовать принцип «не по милу хорош, а по хорошу мил», т.е. «любить родину – значит любить нечто такое, что на самом деле заслуживает любви» [9, с. 168]. Нетрудно заметить, что «национализм» Ильина предполагает определенный уровень образования, включающий знание истории, культуры и права своей страны, без чего невозможно определить, что представляет собой «великое» и «священное», что – просто «милое» в силу привычки, а что «хорошее» в силу нравственной оценки. Без знания нет ни истинного национализма ни патриотизма. «Тот, кто совсем не знает, что такое дух, и не умеет любить его, тот не имеет и патриотизма», – утверждает Ильин [9, с. 204].

Еще одна важная особенность ильинского национализма состоит в том, что он имеет не закрытый, оборонительный, а, напротив, открытый, инклюзивный характер; ему свойственно позитивное отношение к другим культурам и народам. Более того, «национализм» – это не последняя стадия в развитии «объективного духа», он является необходимым условием для перехода к общечеловеческому, к «наднациональному сознанию». Причем переход от национального к сверхнациональному вовсе не означает отказ от национального, а напротив, любая национальная культура есть имманентная часть сверхнационального. По мнению Ильина, «тот, кто чувствует духовное и любит его, тот знает его сверхнациональную, общечеловеческую сущность» [9, с. 204]. Это значит, что ценное одной культуры одновременно представляет собой общечеловеческую ценность, и каждая национальная культура вносит свой вклад в сокровищницу культуры мировой. «Но именно поэтому, – считает Ильин, – настоящий патриот не способен ненавидеть и презирать другие народы, потому что он видит их духовную силу и их духовные достижения. Он любит и чтит в них духовность их национальной культуры, хотя национальный характер их культуры может казаться ему странным, чуждым и даже неприятным» [9, с. 204]. Фактически, Ильин придерживается и пропагандирует мультикультурализм на основе принципов равенства культур и взаимодействия.

«Правосознание», «государство» и «частная собственность» представляют собой последнюю триаду в развитии «объективного духа» по Ильину. При этом государство у него, как и у Гегеля, не есть система внешнего порядка, регулирующая и контролирующая жизнь общества извне. Напротив, он полагает, что «право и государство возникают из внутреннего, духовного мира человека, создаются именно для духа и ради духа и осуществляются через посредство правосознания» [9, с. 228]. Государство, таким образом, должно вырастать органично из духовных потребностей человека и обеспечивать наиболее благоприятные условия существования людей. При этом только в идеальном случае, как полагает Ильин, можно отождествлять государство с родиной. Это происходит, когда «здоровая, государственно настроенная душа воспринимает свою родину как живое правовое единство и участвует в этом единении своим правосознанием; это значит, что гражданин признает государство в порядке добровольного самообязывания и называет его “мое государство”»

или “наше государство”» [9, с. 230]. Такая теория государства уходит своими корнями, помимо Гегеля, как к политической философии Аристотеля, так и к контрактуализму. Однако желание Ильина увязать друг с другом понятия «родина» и «государство» кардинально выводит его рассуждения за рамки традиции. К сожалению, подробный анализ этой взаимосвязи выходит за рамки данной статьи. Можно отметить лишь одно наиважнейшее положение, а именно, что правовой характер государства есть необходимое условие возможности считать его «своим» или «родным» государством. Если же данное условие не выполнено, что понятия государства и родины оказываются разведены. Разумеется, что для того, чтобы уметь проводить данное различие индивидуум должен сам обладать правосознанием.

Примечательно, что основой основ социального бытия человека Ильин, следуя традиции от Аристотеля до Гегеля и Достоевского (см. «Записки из мертвого дома»), считает частную собственность, которую он понимает как «естественное право человека, которое и должно ограждаться законами, правопорядком и государственной властью» [9, с. 267]. Отвергая право частной собственности и тем самым права людей на хозяйственную самостоятельность и самодеятельность, их «практически приравнивают[ся] к каторжникам или ставят[ся] в положение хозяйственных кастратов» [9, с. 269]. В самом общем смысле частная собственность есть свобода [9, с. 278], в том числе политическая и духовная свобода. Связь частной собственности с понятиями родины и гражданина Ильин раскрывает следующим образом: «Частная собственность научает человека творчески любить труд и землю, свой очаг и родину. Он выражает и закрепляет его оседлость, без которой невозможна культура. Она единит семью, вовлекая ее в собственность. Она питает и напрягает государственный инстинкт человека. ... Частная собственность пробуждает и воспитывает в человеке правосознание, научая его строго разделять “мое” и “твое”, приучая его к правовой взаимности и к уважению чужих полномочий, возвращая в нем верное чувство гражданского порядка и гражданской самостоятельности, верный подход к политической свободе» [9, с. 271]. Частная собственность, правосознание, правовое государство, создающее благоприятные условия для бытия людей, образование, умение самостоятельно мыслить, духовная и политическая свобода выстраиваются в ряд условий, которые необходимы для раскрытия понятия родины.

Обобщим вышесказанное. Итак, связующим звеном между понятиями «индивидуум», «семья», «общество» и «государство» у Ильина, в отличие от Гегеля, оказывается концепт родины. Именно он связывает индивидуум, семью, общество, государство и далее весь мир посредством особой диалектики, источник которой Ильин усматривает во внутреннем, духовном, опыте человека и реализация которой предполагает, что личность человека при всех переходах и трансформациях должна оставаться неприкасаемой и свободной. Схематически связь между этими понятиями можно представить так: рожденное и воспитанное в семье духовное чувство родины наполняет человека и научает его признавать, ценить и уважать духовный опыт своих сограждан. На этом пути – а

именно, за счет идентификации с духовной культурой своего народа – человек становится гражданином. Гражданское состояние, основу которого составляет «патриотическое самосознание» [9, с. 288], коренящееся в любви к культуре своего народа, есть, по мысли Ильина, основа для взаимодействий как на национальном уровне (в рамках государства), так и на сверхнациональном (межгосударственном) уровне: при этом национальное «снимается» в «супранациональном», частично в нем сохраняясь и являясь его основанием. В этой диалектической схеме родина, понимаемая как воображаемая, духовная родина индивидуума, порожденная его собственными творческими усилиями, выступает в качестве гаранта нравственности и гражданственности человека политического в широком (аристотелевском) смысле этого слова, т.е. как *zoon politikon*. Ильин исходит из того, что «родина есть дух народа во всех его проявлениях и созданиях; национальность обозначает основное своеобразие этого духа. Нация есть духовно своеобразный народ; патриотизм есть любовь к нему, к духу, его созданиям и к земным условиям его жизни и цветения» [9, с. 203]. Основываясь на этой посылке, он заключает, что «все человечество есть духовное состояние, которое может быть доступно только духовно и национально самоутвердившемуся человеку» [9, с. 203–204]. Из этого следует, что истинный патриотизм выходит за пределы одной культуры, одного государства и распространяется на человеческий род в целом. При этом действует правило: не уважая и не любя себя, невозможно любить других, но без уважения и любви к другим, человек утрачивает самого себя. Принятие понятия родины как источника и сердцевины духовности человека позволило Ильину развить свою идеалистически и, может быть даже, романтически окрашенную политическую философию в противовес организованному на формальных принципах либерально-демократическим моделям. Этот идеализм опирается, однако, на реальные требования права, включая право частной собственности как залог духовной и политической свободы, и правового государства.

Заключение

Из вышесказанного видно, что тематизирование понятия родины может оказаться плодотворным, поскольку вскрывает его различные аспекты и тем самым может помочь избежать однонаправленной инструментализации этого концепта в политических целях, например, для мобилизации масс. Суть рассуждений Ильина на эту тему можно коротко выразить следующим образом: только тот, кто в состоянии *создать* для себя родину в порядке собственного самоопределения и поиска собственной идентичности, *способен иметь* родину. Тот же, кто на это не способен, для кого родина – это всего лишь место обитания, продукт социализации и групповой самоидентификации, тот легко становится объектом политических манипуляций, нередко основанных на подмене понятий, за чем стоят, как правило, эгоистические групповые или индивидуальные интересы. Частная собственность, правовое самосознание и государственное право оказываются теми необходимыми материальными предпосылками, которые позволяют человеку свободно сформировать собст-

венное понятие о родине, превращающее его в гражданина и тем самым в сознательно действующего на основе собственных идеалов политического актера. Тем самым философия Ильина показывает, что родина – вовсе не антропологическая константа, и призывает – хоть и косвенно – к критическому мышлению и к критическому анализу широко употребляемых слов. Ответ на вопрос «с чего начинается родина?» следует, по Ильину, искать не в окружающих нас предметах, в шкафу или за околицей, а в собственных мыслях.

Литература

Исследования

1. *Budde D.* Iwan Iljin – Vom Wesen der Rechtgläubigkeit // *Gegen die Krise der Zeit. Konservative Denker im Portrait / Führung D.* (Hrsg.). Graz: Ares-Verlag, 2013. S. 65–80.
2. *Offermanns W.* Mensch, werde wesentlich! Das Lebenswerk des russischen religiösen Denkers Iwan Iljin für die Erneuerung der geistigen Grundlagen der Menschheit. Wachtendonk: Edition Hagia Sophia, 2018.
3. *Tsygankov D.* Beruf, Verbannung, Schicksal: Iwan Iljin und Deutschland // *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie.* Bielefeld. 2001. Vol. 87. 1. Quartal. Heft 1. S. 44–60.
4. *Зернов И.* Иван Ильин. Монархия и будущее России. М.: Алгоритм, 2007.
5. *Лисица Ю.Т.* И.А. Ильин: историко-биографический очерк // Ильин И.А. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 5–36.
6. *Сандомирская И.* Книга о Родине. Анализ дискурсивных практик. Вена: Славистические исследования, 2001.
7. *Томсинов В.А.* Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин: русский идеолог эпохи революций. М.: Зерцало-М, 2017.

Источники

8. И.А. Ильин: pro et contra: Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей / Сост. И.И. Евлампиев. СПб.: РХГИ, 2004.
9. *Ильин И.А.* Путь духовного обновления. М.: АСТ, 2006.
10. *Ильин И.А.* Родина и мы. Белград: Главное Правление Об-ва Галлиполийцев, 1926.
11. *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. Избр. ст. по филос. рус. истории и культуры. В 2 т. М.: София, 1991.

Soboleva, Maja E. *Philosophy of patriotism: Ivan Ilyin*

References

1. Budde, D. (2013), Iwan Iljin – Vom Wesen der Rechtgläubigkeit, in: Führung, D. (Hrsg.), *Gegen die Krise der Zeit. Konservative Denker im Portrait*, Ares-Verlag, Graz, S. 65–80.

2. Offermanns, W. (2018), *Mensch, werde wesentlich! Das Lebenswerk des russischen religiösen Denkers Iwan Iljin für die Erneuerung der geistigen Grundlagen der Menschheit*, Edition Hagia Sophia, Wachtendonk.
3. Tsygankov, D. (2001), Beruf, Verbannung, Schicksal: Iwan Iljin und Deutschland, *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. Bielefeld*, vol. 87, 1. Quartal, Heft 1, S. 44–60.
4. Zernov, I. (2007), *Ivan Ilyin. Monarkhiya i budushcheye Rossii* [Ivan Ilyin. Monarchy and the Future of Russia], Algoritm, Moscow (in Russian).
5. Lisitsa, Yu.T. (1993), I.A. Ilyin: Historical and biographical essay, in: Ilyin, I.A., *Collected Works*, in 10 vols., vol. 1, Russkaya kniga, Moscow, pp. 5–36 (in Russian).
6. Sandomirskaya, I. (2001), *Kniga o Rodine. Analiz diskursivnykh praktik* [Book About the Motherland. An Analysis of the Discursive Practices], Slavistic Studies, Vienna (in Russian).
7. Tomsinov, V.A. (2017), *Myslitel' s poyushchim serdtsem. Ivan Aleksandrovich Ilyin: russkiy ideolog epokhi revolyutsiy* [The Thinker with a Singing Heart. Ivan Aleksandrovich Ilyin: Russian Ideologist of the Epoch of Revolutions], Zertsalo-M, Moscow (in Russian).